

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования» Санкт-Петербургский
государственный университет»

С.В. Микушев

27 _____ 2023 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
на диссертацию Ольги Александровны Гримовой
«Нарративная интрига в современном отечественном романе»,
представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.3 – Теория литературы

Диссертация Ольги Александровны Гримовой «Нарративная интрига в современном отечественном романе» многоаспектна и затрагивает как теоретические вопросы нарратологического анализа, так и вопросы интерпретации произведений современной русской литературы. В работе утверждается подход к произведению с учетом нарратологических универсалий, одной из которых предстает концепция «нарративной интриги». В отличие от широко распространенной традиции нарратологических штудий, сосредоточенных на фигурах наррататора и занятых выявлением формальных структурных элементов, на первом плане в диссертации О.А. Гримовой оказывается коммуникативная структура художественного повествования: нарративная интрига рассматривается как инструмент для анализа того, что соискатель определяет как «маршрутизацию» художественным текстом своего собственного восприятия.

Категория нарративной интриги, выросшая из коммуникативного подхода П. Рикера и получившая теоретическое оформление в работах В.И. Тюпы, по мнению соискателя, позволяет анализировать произведения, по отношению к которым «не работают» или непродуктивны категории традиционной поэтики и традиционного анализа художественного текста (образ – композиция – сюжет – смысловое ядро и т. д.). Это произведения М.П. Шишкина, М.Ю. Елизарова, П.В. Крусанова, Н.М. Кононова и других авторов. О.А. Гримова убеждена, что изменение культурной парадигмы проявляется в

первую очередь в изменении статуса событийности в тексте: «последовательность описываемого определяется не логикой реальности (любой реальности – «настоящей», виртуальной, фикциональной или фактуальной), а прежде всего волей повествующего, ассоциативностью его мышления» (с. 5). Категория нарративной интриги В.И. Тюпы, актуализирующая рецептивные аспекты теории повествования и в то же время сохраняющая связь с жанровыми параметрами, как считает соискатель, обладает тем необходимым аналитическим потенциалом, который позволяет избежать редукционизма в интерпретации современного романного повествования и создать метаязык, соответствующий сложности изучаемого объекта. **Актуальность** работы в свете сказанного очевидна.

О.А. Гримова взяла на себя задачу систематизировать типы нарративных интриг в отечественном романе конца XX – начала XXI в. Решение данной задачи имело двойную целевую направленность: с одной стороны, углубить понимание нарративных механизмов современной художественной прозы и способов актуализации смыслового потенциала текста, а с другой – расширить поле историко-литературного знания об отдельных авторах и их творческой лаборатории. Последнее диссертанту удалось.

Во «Введении» диссертации обосновывается выбор темы, ее актуальность, теоретическая и практическая значимость. В первой, теоретической, главе «Интрига как нарратологическая универсалия» раскрывается концепция нарративной интриги В.И. Тюпы, разработка которой была продолжена Г.А. Жиличевой, очерчивается интерпретационный диапазон данного понятия, закладываются основы подхода к пониманию текста как к «маршруту», заложенному в тексте и достраиваемому в сознании читателя. Рассматривая вслед за В.И. Тюпой нарративную интригу как часть нарративной стратегии, О.А. Гримова помещает ее в контекст понятия «интересного» и приходит к заключению, что именно «категория интриги является эффективным инструментом осмысления художественного нарратива, позволяя увидеть текст в его рецептивной перспективе» (с. 81). По мнению соискателя, выстраиваемая нарратором событийная цепочка инициирует и направляет читательскую заинтересованность, в результате, как считает О.А. Гримова, можно говорить, что в современной отечественной прозе происходит вытеснение понятием интриги более традиционного понятия «сюжет».

Последующие главы диссертации – это развернутое, проведенное на материале современной русской литературы доказательство данного предположения. Так, во второй главе – «Повествовательная структура и жанровое своеобразие современного романа» – рассматриваются литературные произведения, в которых движение нарратива достигается не за счет развития характера, а благодаря рефлексии повествователя или героя, выполняющего роль носителя значимого слова, которое «гармонизирует реальность,

продвигает своего субъекта по пути поиска идентичности» (с. 200). Среди примеров – романы «Венерин волос» и «Взятие Измаила» М. Шишкина, «Даниэль Штайн, переводчик» Л. Улицкой, «Клеменс» М. Палей, «Живущий» А.А. Старобинец и «Хлорофилия» А.В. Рубанова. В третьей главе – «Нарративная интрига как ключ к поэтике современного романа» – речь идет о рецептивных программах, направляющих восприятие актуального нарратива, о структуре нарративной интриги и о приемах, при помощи которых происходит конфигурация эпизодов в историю. В поле зрения О.А. Гримова в этой главе оказывается целый ряд произведений: романы «Синяя кровь» Ю. Буйды, «2017» и «Прыжок в длину» О.А. Славниковой, «Соловьев и Радионов», «Лавр» и «Авиатор» Е. Водолазкина, «Хор» М. Палей, «Принц инкогнито» А.В. Понизовского, «Черная обезьяна» З. Прилепина.

О.А. Гримова, развивая высказанную еще в первой главе идею о нарративной интриге как об эффективном инструменте осмысления художественного нарратива, прослеживает, как реализуются разные типы интриг (в классификации В.И. Тюпы): рекреативная интрига (Ю. Буйда, О. Славникова), интрига наставления (Е. Водолазкин, М. Палей), авантюрная (А.В. Понизовский) и энигматическая интрига (Е. Водолазкин, З. Прилепин). При этом Ольга Александровна раскрывает иерархический характер системы интриг в произведении и обозначает средства, при помощи которых осуществляется координация иерархически соотнесенных интриг. Следует отметить тонкость анализа конкретных текстов, убедительность многих интерпретаций.

Наиболее существенные научные результаты диссертационного исследования, **полученные лично соискателем**, заключаются в следующем:

- диссертанту удалось продемонстрировать инструментальность понятия «нарративная интрига» для анализа «неклассических» литературных текстов;
- на обширном материале современной литературы были прослежены варианты реализации нарративной интриги и выявлены их составляющие (с учетом жанровых параметров текста);
- полученная на основании предложенного подхода трактовка литературных произведений позволяет увидеть современный литературный процесс в новом ракурсе.

Достоверность научных результатов обеспечена теоретико-методологической базой исследования, в первую очередь подходом к литературному произведению в школе исторической нарратологии В.И. Тюпы, анализом текстов, в которых реализуются разные виды нарративной интриги, корректностью (в подавляющем большинстве случаев) литературоведческой интерпретации произведений. Вместе с тем, отдельные положения работы носят дискуссионный характер и вызывают вопросы и замечания.

1. Наиболее уязвимым моментом работы является неоднократно развиваемая мысль о недостаточной разработанности рецептивного аспекта теории повествования. Как известно, ориентированные на читателя подходы к литературе получили бурное развитие еще в 1970-е годы. «Теория читательского отклика» охватывает широкий спектр школ и направлений, общим для которых является то, что они предполагают взаимодействие между читателем и текстом, утверждают и исследуют вклад читателя в смысл нарратива (и, фактически, любого текста). Однако в работе не упомянуты ни представитель рецептивной критики Стенли Фиш, уделявший большое внимание динамике читательского опыта и принадлежности читателя к определенному «интерпретационному сообществу», ни Джонатан Каллер, утверждавший возможность управления рецепцией текста читателем, ни Ричард Герриг, отводивший читателю роль путешественника, который производит во время чтения-путешествия ментальные операции и в итоге возвращается в мир, из которого отправился в путь, измененным, ни другие исследователи, разрабатывавшие рецептивный аспект теории повествования. Все это создает серьезные пробелы в теоретической части работы.

2. Инструментальным понятием в работе является категория нарративной интриги В.И. Тюпы, разработка которой была продолжена Г.А. Жиличевой. Поскольку диссертация представлена на соискание степени по теоретической специальности, обозначение диссертантом своего вклада в концепцию является крайне важным, однако текст диссертации не дает об этом четкого представления. Не дает он и представления о месте ключевого термина «нарративная интрига» в ряду смежных понятий.

3. В работе сделан вывод, что в современном русском романе для оформления событийного опыта современного человека актуальны три из четырех базовых интриг (рекреативная, энигматическая и интрига наставления), при этом наиболее актуальной является энигматическая интрига, а наименее востребованной – авантюрная. Подобное заключение предполагает, что соискатель провел исчерпывающее по материалу исследование. Можно ли считать выбранные соискателем для анализа произведения достаточными, чтобы сделать вывод о преобладании того или иного варианта интриги? Каковы были критерии отбора текстов и точные хронологические рамки? Почему одни авторы, например Е. Водолазкин, представлены несколькими произведениями, а другие – только одним? Чем объясняется то, что за пределами исследования остались такие современные авторы как, например, В.В. Ремизов и А.М. Терехов?

4. Отдельные траектории научного мышления представлены недостаточно полно. Так, О.А. Гримова, обозначает вклад представителей феноменологического и рецептивно-эстетического подходов в осмысление взаимодействия текста и читателя и прочерчивает линию 'Гуссерль – Хайдеггер – Гадамер – Ингарден – Изер – Яусс', акцентируя

активность читателя, заполняющего «лакуны» в тексте, но обходит стороной понятие «гэппинга» в нарратологии. Не говоря уже о том, что сама линия дана поверхностно, практически вынесенными за рамки диссертации оказались подходы когнитивной нарратологии. Объяснить это полным незнанием нельзя – библиография, в которую включены работы Д. Германа и М. Флудерник, впрочем, ни разу не упомянутые в тексте диссертации, свидетельствует об обратном. Скорее речь идет о сознательном игнорировании, что тем более прискорбно.

5. По наблюдениям О.А. Гримовой, в центре романного повествования может оказаться герой, активность которого, движущая сюжет в традиционном понимании, может быть сведена на нет; тогда, как считает О.А. Гримова, реализуется коммуникативная стратегия текста, требующая от читателя креативного участия в конструировании художественной реальности. Однако на креативное участие читателя нацелены и так называемые контркоммуникативные модели и стратегии. Художественное повествование в основном стремится к деавтоматизации восприятия, о чем еще в первые десятилетия XX века говорил и писал В. Шкловский и о чем, правда, на материале кинематографа, писал Ж. Эпштейн, обозначивший семь свойств произведения, которые сбивают автоматизм восприятия (в том числе трансформативность, незавершенность и отказ от классических правил развертывания текста и композиции).

6. Отталкиваясь от положения, что нарратив является «способом оформления событийного *опыта* человеческого присутствия в мире», О.А. Гримова утверждает значимость феномена «интересное» для понятия «нарративная интрига». Апеллируя к работам М. Эпштейна и Р. Барта, Ольга Александровна, однако, упускает из виду работы В. Лабова и Дж. Валецкого, которые, разрабатывая модель нарративов личного опыта, выделили «рассказываемость» (*reportability*) как одно из основных качеств нарратива – понятие, вполне, как представляется, сопоставимое с феноменом «интересное».

7. Современное состояние литературы, для которого характерно неклассическое художественное сознание, соискатель, опираясь на концепцию А.А. Житенева, определяет термином «литература неомодернизма», но в то же время по отношению к отдельным анализируемым произведениям использует понятие «новой искренности», которую принято считать одной из образующих черт искусства метамодернизма. Представляется, что следовало бы соотнести эти термины, тем более что определение «неомодернизма» сводится к цитате из диссертации А.А. Житенева (с. 5-6), а термин «метамодернизм» в работе не используется.

8. Из мелких недочетов, пожалуй, следует отметить опечатки и некоторую небрежность словоупотребления, в частности, приверженность соискателя глаголу «ощущать»: «явно

ощущается, что автор такого текста не 'умер'», «В отдельных фрагментах романа ощущается присутствие некоего голоса», «ощущается как мифогенная субстанция» и т.п.

Перейдем к **общему заключению**. Критические замечания существенны, но мы полагаем, что соискатель сможет дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы. Основные идеи диссертации «Нарративная интрига в современном отечественном романе» апробированы на международных научных конференциях и в предшествующих научных публикациях ее автора, в том числе в монографии и в 15 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Автореферат диссертации отражает основные положения диссертационной работы.

Таким образом, диссертация Гримовой Ольги Александровны «Нарративная интрига в современном отечественном романе» является самостоятельным, завершенным научным трудом и соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, изложенным в «Положении о присуждении ученых степеней», утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.3 – Теория литературы.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, профессором кафедры истории русской литературы СПбГУ Бугаевой Любовью Дмитриевной и доктором филологических наук, профессором кафедры истории русской литературы СПбГУ Карповым Александром Анатольевичем.

Отзыв рассмотрен и одобрен на заседании кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета, протокол № 44/16/6-02-26 от 23.11.2023.

Заведующий кафедрой истории русской литературы
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
доктор филологических наук, профессор

Александр Анатольевич Карпов

ПОДПИСЬ РУКИ

УДОСТОВЕРЯЮ

Карпов А.А.

НАЧАЛЬНИК ОТД
КАДРОВ №4
М.С. ЗУБОВА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9

Телефон: (812) 328-97-01

Email: spbu@spbu.ru